

ТЕМА НОМЕРА

**Г.И. Авцинова,
Е.Ю. Воронина**

**G. Avtsinova,
E. Voronina**

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ

SOFT POWER OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA: TRENDS OF DEVELOPMENT

Аннотация

В условиях геополитической трансформации мира политика государств Центральной Азии, как результат воздействия на них «мягкой силы» России, приобретает судьбоносное значение. В данном контексте не только технологии «жесткой», «острой» и другой силы, но и технологии, методы «мягкой силы» становятся неотъемлемым инструментом российской политики и усилий дипломатии в регионе, позволяя добиваться долгосрочной стабильности и стратегического партнерства.

Целью исследования является изучение трендов развития и применения инструментов «мягкой силы» во внешней политике России в Центральной Азии, что позволяет не только оценить эффективность существующих механизмов воздействия, но и определить приоритетные векторы влияния нашей страны на государства региона в условиях реальных и потенциальных вызовов текущей политики.

Особое внимание уделяется анализу «мягкой силы» России в отдельных странах Центральной Азии. В результате проведенного исследования авторы пришли к заключению о неоднозначности воздействия российской «мягкой силы» в рассматриваемом регионе. Ее эффективность наиболее выражена в Казахстане и Киргизии, где сохраняются и развиваются культурные связи и взаимное влияние. В то же время, в Узбекистане и Таджикистане наблюдается рост стремления к независимости, что коррелирует со снижением их заинтересованности в российском культурном и медийном пространстве. Это обусловлено сокращением российского влияния в институтах социализации этих стран, ограниченным при-

Abstract

In the context of the geopolitical transformation of the world, the policy of the Central Asian states, as a result of the influence of Russia's soft power on them, is acquiring fateful significance for our country. In this context, not only the technologies of hard, sharp and other power, but also the technologies, methods of soft power become an integral tool of Russian policy and diplomatic efforts in the region, making it possible to achieve long-term stability and strategic partnership.

The purpose of the study is to study trends in the development and use of soft power instruments in Russian foreign policy in Central Asia, which allows not only to assess the effectiveness of existing mechanisms of influence, but also to determine priority vectors of influence on the states of the region in the context of real and potential challenges of current policy.

Particular attention is paid to a comparative analysis of Russia's soft power in individual Central Asian countries. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the impact of Russian soft power in the region under consideration is ambiguous. Its effectiveness is most pronounced in Kazakhstan and Kyrgyzstan, where cultural ties and mutual influence are preserved and developed. At the same time, in Uzbekistan and Tajikistan there is an increase in the desire for independence, which correlates with a decrease in their interest in the Russian cultural and media space. This is due to the reduction of Russian influence in the institutions of socialization of these countries, the limited presence of Russian media in national languages, insufficient participa-

сутствием российских СМИ на национальных языках, недостаточным участием в формировании молодых элит, а также низким вниманием российских медиа к региональной информационной повестке. Что касается Туркменистана, он по-прежнему сохраняет баланс между разными моделями взаимодействия с Россией.

Сделан вывод, что «мягкая сила» России в Центральной Азии претерпевает значительные трансформации, адекватно реагируя, в большинстве случаев, на кардинально изменившиеся геополитические условия и возникающие вызовы, что позволяет значительно усилить и укрепить воздействие нашей страны на регион. Помимо традиционных каналов воздействия, таких как поддержка экономического сотрудничества, создание рабочих мест, проведение форумов и конференций, образовательные программы и культурные инициативы, отмечается возрастающее влияние цифровых технологий и медийных платформ на формирование общественного мнения, продвижение позитивного имиджа Российской Федерации в данном регионе, как одной из приоритетных задач.

Ключевые слова:

внешняя политика, «мягкая сила», Россия, Центральная Азия, тренды развития, цифровая платформа, публичная дипломатия.

tion in the formation of young elites, as well as the low attention of Russian media to the regional information agenda. As for Turkmenistan, it still maintains a balance between different models of interaction with Russian.

It is concluded that Russia's soft power in Central Asia is undergoing significant transformations, adequately responding, in most cases, to radically changed geopolitical conditions and emerging challenges, which can significantly enhance and strengthen our country's influence on the region. In addition to traditional channels of influence, such as supporting economic cooperation, creating jobs, holding forums and conferences, educational programs and cultural initiatives, there is an increasing influence of digital technologies and media platforms on the formation of public opinion, promoting a positive image of the Russian Federation in this region as one of the priority tasks.

Key words:

foreign policy, soft power, Russia, Central Asia, development trends, digital platform, public diplomacy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-6-25>

«Мягкую силу» часто рассматривают как способ влияния через культуру, образование, экономику, дипломатию. Не отрицая воздействия через конкретные способы влияния, считаем, что «мягкая сила», в первую очередь, это технология, представляющая совокупность методов, способов, приемов. В отличие от способов влияния, где используется конкретный механизм или техника воздействия, технология влияния предполагает использование более объемного и разнообразного инструментария. Подход к «мягкой силе» как технологии влияния обусловлен также целенаправленностью, последовательностью, систематизацией, координацией, согласованностью действий всех участников процесса, вовлеченных в разработку и реализацию политики «мягкой силы», а также изучением и учетом в реальной политике специфических особенностей и интересов тех, на кого она направлена.

В контексте современных геополитических изменений содержательные и функциональные компоненты «мягкой силы» России в Центральной Азии

претерпевают существенную трансформацию. Изначально в регионе она опиралась на исторические связи, культурное влияние русского языка и образования, а также экономическое сотрудничество. Однако, наблюдаемые в последние годы тенденции, такие как усиление национального самосознания в странах Центральной Азии, диверсификация их внешнеполитических векторов, растущее влияние других глобальных (США, Китай) и региональных (Турция, Иран) акторов требуют не столько адаптации, сколько трансформации «мягкой силы» России с учетом новых геополитических реалий.

Трансформация «мягкой силы» России в Центральной Азии выражается в смещении акцентов с традиционных инструментов (констатация общего исторического прошлого, трансляция культурных ценностей, влияние через образовательные программы) к более прагматичным формам сотрудничества. В частности, наблюдается активизация экономической дипломатии, направленной на реализацию совместных инфраструктурных проектов и развитие торговых связей. Важным элементом становится сотрудничество в сфере обеспечения безопасности, включая военно-техническое сотрудничество, совместную борьбу с терроризмом и экстремизмом. В цифровую эпоху пристального внимания исследователей и политиков требуют проблемы разработки, внедрения и оценки влияния современных цифровых платформ как главного канала «мягкой силы». Эффективность применения российской «мягкой силы» в Центральной Азии зависит от многих факторов, в немалой степени от учета специфики стран региона, уважения их истории, культуры, менталитета, национальных интересов, суверенитета и др. Важным аспектом является также соответствие предлагаемых Россией проектов и инициатив потребностям и приоритетам развития центральноазиатских государств (Nourzhanov & Peyrouse, 2021). Только в этом случае «мягкая сила» может стать эффективным инструментом для укрепления партнерских отношений и поддержания стабильности в регионе.

Существует большой пласт научной и публицистической литературы, целенаправленно исследующей или фрагментарно затрагивающей проблемы политики «мягкой силы» России в Центральной Азии. Среди научной литературы последних лет, специально посвященной данной теме, можно выделить работы следующих российских и зарубежных авторов: П.С. Алещенко, А.А. Керимов (2024), В.В. Комлева (2026), В.О. Кротков (2023), М.М. Лебедева (2014), Д.Э. Летняков, Н.Н. Емельянова (2017), К.С. Мухтарова, А.К. Паизова (2024), М.А. Неймарк (2023), К. Нуржанов, С.Пейруз (2021), М.Ю. Омеличева (2018), С.В. Сакулин (2024), Н.А. Салибаева (2016), И.Р. Томберг (2023) и др.

Использование совокупности методов позволяет обеспечить всесторонний анализ рассматриваемой проблемы. Институциональный подход фо-

кусируется на деятельности формальных и неформальных институтов, через которые осуществляются образовательные обмены, реализуются совместные культурные инициативы, экономические проекты и другие составляющие «мягкой силы». Анализ деятельности таких институтов, как Федеральное агентство Россотрудничество, фонд «Русский мир», Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, культурные и образовательные центры позволяет выявить механизмы функционирования «мягкой силы» России, оценить ее влияние в регионе через поддержание и распространение русского языка, развитие публичной дипломатии, расширение гуманитарного сотрудничества, работу с соотечественниками, оказавшимися за пределами России. Структурно-функциональный подход позволяет показать взаимосвязь элементов «мягкой силы», их роль в формировании имиджа страны, выявить стратегические цели России в регионе, глубже понять динамику влияния России в Центральной Азии.

Системный метод рассматривает «мягкую силу» как неотъемлемый компонент политики России в системе международных отношений. Его применение помогает понять масштабирование и интеграцию российских инициатив в области «мягкой силы» в такие многоцелевые и многосторонние процессы, как создание Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества.

Метод сравнительного анализа позволяет выявить общие и отличительные черты функционирования «мягкой силы» России в странах Центральной Азии для определения ее эффективности в регионе. В дальнейшем такой метод может быть использован для сопоставления «мягкой силы» России с аналогичными инициативами других стран (Китай, западные государства), исходя из успешности культурных и образовательных программ, степени их популярности и практической востребованности населением разных стран региона.

Специально следует отметить важность анализа цифровых платформ (онлайн курсы, виртуальные выставки, экскурсии), а также влияния российских маркетплейсов за рубежом. Последние могут выполнить роль «цифрового моста» не только в сфере отечественной продукции, малого и среднего бизнеса, способствуя продвижению российских товаров, расширению их присутствия на международных рынках, но и в сфере культуры, дополняя и «облегчая» воздействие традиционных технологий «мягкой» силы России. Привлечение зарубежных блогеров и амбассадоров российских брендов для повышения узнаваемости продукции повышает уровень доверия и симпатий к стране у иностранных потребителей, активизирует такие формы межотрас-

левых коллабораций, как, например, «экспорт плюс культура», «экспорт плюс искусство», «экспорт плюс спорт» и др.

Метод сценариев направлен на поиск возможных будущих вариантов развития событий в контексте функционирования «мягкой силы» России в Центральной Азии на основе анализа текущих трендов, рисков и неопределенностей. Применение данного метода позволяет предположить, какие факторы, трансформации в международной политике и социокультурных предпочтениях могут повлиять на развитие «мягкой силы» России в регионе. Данный метод базируется на выявленных трендах и поможет разработать рекомендации для реализации российских инициатив в ответ на меняющиеся условия.

Таким образом, применение совокупности представленных методов исследования «мягкой силы» России в Центральной Азии позволяет проанализировать механизмы ее функционирования в этом стратегически важном регионе. Каждый из методов предоставляет уникальные инструменты анализа, которые помогут сформировать более четко понимание взаимодействия России с Центральной Азией.

В настоящее время с учетом изменяющихся геополитических условий Россия вынуждена не просто адаптировать те или иные технологии «мягкой силы», апробированные ранее в данном регионе. Актуализируя «индивидуальный» подход к взаимодействию с конкретными государствами Центральной Азии, Россия стремится переориентировать политику, основанную на доминанте принятия общего прошлого, в политику объединения людей на основе долгосрочного сотрудничества в настоящем и будущем, в том числе и в сфере сохранения и пополнения общей исторической памяти.

В данном контексте можно выделить несколько ключевых трендов развития «мягкой силы» России в регионе со смещением вектора направленности в сторону формирования интеграционной союзнической политики консолидированных действий по приоритетным и для России, и для стран региона вопросам.

Укрепление культурных обменов и гуманитарных инициатив представляет собой важный аспект внешней политики России, направленный на создание устойчивых связей с государствами Центральной Азии. В соответствии с этой стратегией, актуализируются существующие механизмы и разрабатываются новые инновационные программы, ориентированные на культурное взаимодействие, реализацию учебных и научных проектов (Мухтарова & Паизова, 2024). Данные инициативы нацелены на формирование платформы для взаимопонимания и многостороннего сотрудничества на основе обмена знаниями и опытом. В частности, акцентируется внимание на инте-

грации образовательных стандартов и научных исследований. Укрепляя связи между Россией и странами Центральной Азии, культурная и научная интеграция способствует развитию общей культурной среды, основанной на общих исторических и социокультурных корнях.

Развитие образовательных программ и расширение стипендиальных инициатив – важнейший тренд политики «мягкой силы» России, актуализировавшийся в последнее время. Сегодня усиление влияния России через образовательные программы, изменение приоритетов сотрудничества в области образования является важным приоритетом в рамках стратегии интернационализации образовательных инициатив. Предоставление стипендий для студентов из Центральной Азии для обучения в российских вузах, а также открытие совместных образовательных учреждений способствуют формированию положительного восприятия России среди молодежи, формируют позитивный имидж ее образовательной системы, что влияет на статус и репутацию страны в целом. Например, в России и филиалах российских вузов в Узбекистане обучаются более 46,7 тыс. граждан Узбекистана, из них 9,1 тыс. – по правительственной квоте. На 2025/2026 учебный год выделено 810 таких мест, на 2026/2027 учебный год планируется выделить такое же количество. Кроме того, по состоянию на 2025/2026 учебный год, в высших учебных заведениях России и их филиалах получают образование свыше 35 тысяч студентов из Таджикистана. Для граждан РТ предусмотрена одна из наиболее значительных квот среди стран СНГ, включающая тысячу государственных стипендий.

В настоящее время многие российские университеты переориентируют вектор международного сотрудничества в сторону стран региона. В этой связи увеличиваются квоты для студентов из этих государств, планирующих обучение в России. РФ разрабатывает совместные исследовательские программы с университетами Центральной Азии для решения проблем, представляющих общий интерес в сфере торговли, экологии и безопасности (Мухтарова & Паизова, 2024). Параллельно в Киргизии и Узбекистане открываются филиалы ведущих российских учебных заведений, таких как МГУ им. М.В. Ломоносова, Казанского университета, Высшей школы экономики, Российского гуманитарного университета и др. Кроме того, в рамках укрепления образовательного сотрудничества в сентябре 2024 года Министерство образования и науки Татарстана открыло 100 квот для таджикских школьников, желающих пройти обучение по программам начального и среднего профессионального образования. Россия, в свою очередь, инвестирует в строительство школ в Таджикистане, тем самым значительно расширяя привлекательность российского по-

литического курса, ценностей и культуры, становясь важным инструментом внешнеполитической стратегии в цифровую эпоху.

Активизация участия России в региональных интеграционных процессах и проектах Центральной Азии – тренд, четко обозначившийся в условиях усиления вектора внешней политики РФ в сторону данного региона. Формирование позитивного имиджа России, распространение культуры, национальных ценностей и нарративов успешнее происходит не просто через покровительство, заинтересованность или даже периодическую сопричастность страны к тем или иным совместным проектам, а через непосредственное, инициативное, перманентное, стратегически ориентированное участие всех заинтересованных российских акторов в интеграционных процессах и проектах региона. Раскрытию этой технологии «мягкой силы» России в Центральной Азии посвящено немало исследований, в частности, анализу деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (Безбородов, 2026; Курылев, Малышев, Хотивришвили, Шабловский, 2021). Поддержка экономического сотрудничества и совместных инициатив дает возможность нашей стране укрепить свои позиции как важного партнера для стран Центральной Азии. Например, с 2024 года в рамках ЕАЭС Россия уделяет приоритетное внимание стимулированию роста электронной торговли. Согласно статистическим данным Евразийской экономической комиссии, в 2024 году оборот электронной коммерции на территории ЕАЭС достиг приблизительно 82 млрд долларов США. В рамках стратегии развития Союз нацелен на увеличение доли онлайн-торговли до 30% от общего объема розничных продаж к 2030 году. В рамках ШОС с 2024 года Российская Федерация активно участвует в реализации совместных проектов, направленных на модернизацию транспортной сети, развитие энергетического сектора, укрепление горнодобывающей и перерабатывающей отраслей. В частности, российские предприятия задействованы в продвижении китайской инициативы «Один пояс – один путь», а также в строительстве на территории государств-членов организации ключевых энергетических объектов. Эти и другие направления экономического сотрудничества укрепляют взаимовыгодные долгосрочные связи, создают устойчивые партнерские отношения, демонстрируют технические и технологические возможности России, усиливая ее авторитет и влияние на многие десятилетия. Являясь инструментом продвижения в первую очередь технологических интересов страны, успешные экономические инициативы и проекты России с государствами Центральной Азии демонстрируют также готовность к сохранению исторического наследия народов, взаимодействию куль-

тур, гуманитарному сотрудничеству, поддержке креативных индустрий и реализации совместных творческих проектов.

Продуктивные диалоги в сфере безопасности и устойчивости России и Центральной Азии в условиях жесткой геополитической конкуренции являются сегодня смысловым ядром «мягкой силы». Через инициативы, направленные на совместное противодействие традиционным и новым угрозам, вызовам и рискам, Россия стремится укрепить свои позиции как надежного партнера в обеспечении стабильности региона через участие в учениях ОДКБ и ШОС, экспорт военной техники и обучение иностранных офицеров (Мухтарова & Паизова, 2024). Вооруженные силы России занимают центральное место в проведении совместных операций, учений и поддержании стабильности в рамках этих организаций. Россия выступает в качестве основного источника финансирования и координационного центра для деятельности ОДКБ. Однако, доминирование силового компонента может ослаблять ее восприятие как гуманитарного и культурного центра притяжения, поскольку изначально «мягкая сила» ориентирована на влияние через привлекательность, позитивный имидж, убеждения, сотрудничество, то есть строится на ненасильственных формах влияния (Летняков, Емельянова, 2017; Байходжаева, 2025). Актуализация военной составляющей сотрудничества, доминирование силового компонента «мягкой силы» обусловлены целым рядом обстоятельств, в том числе милитаризацией гражданской повестки со стороны геополитических конкурентов. Этот вопрос требует целового исследования. Здесь подчеркнем следующее. В иных условиях приоритет «жесткой» силы в ущерб культурно-ценностным, имиджевым компонентам «мягкой силы», значительно усиливает риски получения прямо противоположного эффекта, поэтому важно, чтобы применение этого инструментария оставалось в рамках правовых и этических норм и принципов.

Продвижение экономических интересов через бренды и имиджевые проекты, особенно в сферах высоких технологий и природных ресурсов, укрепляет имидж России как страны, способствующей экономическому развитию Центральной Азии. Ключевую роль в этом процессе играют проекты по модернизации инфраструктуры и прямые инвестиции в экономику стран региона. Согласно информации ЕАБР, в середине 2024 года общий объем прямых иностранных инвестиций, поступивших из России, в пять стран Центральной Азии, составил 22,2 млрд долларов в 111 проектов. Казахстан является ключевым партнером России, лидируя по количеству реализуемых проектов и объему привлеченных инвестиций. На сегодняшний день важнейшие проекты между Россией и странами Центральной Азии реализуются в области промышленного производства, энергетики и добычи полезных ис-

копаемых. Особое внимание уделяется модернизации инфраструктурных объектов в бассейнах рек Амударья и Сырдарья, внедрению передовых водосберегающих и рециркуляционных технологий, а также инициативам по экологическому восстановлению Приаралья. Одним из перспективных направлений развития российской энергетической инфраструктуры является проект Каспийского энергетического кольца (КЭК). Данная инициатива предполагает интеграцию энергетических систем России, Ирана, Азербайджана и государств Центральной Азии. Предоставление налоговых льгот и финансовых возможностей российским компаниям, инвестирующим в регион, облегчает процесс торговли за счет упрощения таможенных процедур и снижения торговых барьеров. Подобные меры приводят к укреплению экономических отношений между Россией и Центральной Азией, способствуют экономическому процветанию региона и укреплению позитивного имиджа России как надежного торгового партнера.

Инвестиционная активность в Центральной Азии разнообразна и охватывает энергетику, промышленность, цифровые технологии, логистику и другие сферы. Однако объемы и динамика инвестиций могут меняться в зависимости от ряда факторов, геополитической ситуации в том числе. В 2025-2026 гг. российские компании часто выбирают Казахстан в качестве стратегического партнера и надежного союзника. Дочерняя компания российского «Еврохима» намерена запустить выпуск серной кислоты и сложных удобрений в 2026 году. Госкорпорация «Росатом» участвует в подготовке строительства первой атомной электростанции в Казахстане, начав изыскательские работы на озере Балхаш в августе 2025 года. Росатом активно развивает ветроэнергетику и другие возобновляемые источники энергии в Киргизии. В частности, в августе 2025 года ее дочерняя компания «НоваВинд Кыргызстан» заключила с Фондом зеленой энергетики Киргизии соглашение о гарантированном выкупе электроэнергии. Это соглашение является частью проекта по строительству ветровой электростанции в Иссык-Кульской области. «Газпром», «Лукойл» и «Татнефть» реализуют значимые инфраструктурные и производственные проекты в Узбекистане, особенно в энергетическом и перерабатывающем секторах. Российская компания АО «ЛЗМ» (Люберецкий завод Монтажавтоматика) готовится к запуску производства силовых трансформаторов в Узбекистане. В Таджикистане функционирует свыше трехсот предприятий, в уставном капитале которых присутствует российский капитал. Среди них можно выделить дочерние организации таких российских компаний, как «Газпром», «Вымпелком», «Мегафон» и др. В перспективе реализации совместного проекта по созданию индустриального парка в Душанбе.

Актуализация информационной политики и медийного влияния должны стать ведущими направлениями «мягкой силы» России в Центральной Азии. Развитие медиатехнологий (социальных сетей, мессенджеров), искусственного интеллекта изменили способы коммуникации и влияния на широкую аудиторию, освещения событий с акцентуацией на определенные интересы, формирования повестки, управления общественным мнением, влияя на привлекательность идей, ценностей, культуры, образов, создание позитивного или негативного имиджа страны в целом.

Оценивая важность этого компонента воздействия, Российская Федерация направляет усилия на оптимизацию информационного пространства в странах Центральной Азии. Реализация этого направления включает институционализацию и эксплуатацию русскоязычных медиа-платформ как инструмента «мягкой силы» и средства формирования единого коммуникационного поля с целью укрепления культурно-информационных связей, позитивного имиджа государства, нейтрализации деструктивных стереотипов и противодействия дезинформации (Ерманалиева, 2024). Создание в 2025 году русскоязычного телеканала в Центральной Азии, предлагающего культурные, образовательные и информационные программы, является важнейшим шагом в усилении медийного влияния. История России, достижения в области науки, культуры, образования, туристические маршруты, возможности для развития бизнеса, добрососедских связей – эти и другие направления, и различные инициативы способствуют популяризации в регионе российской культуры и ценностей, а также содействуют развитию дружеского сотрудничества и союзничества стран и народов (Байходжаева, 2025).

Для продвижения информационной политики, усиления и масштабирования медийного влияния России в регионе разработка и внедрение современных цифровых платформ взаимодействия должны стать предметом особого внимания, как одного из ключевых элементов стратегии «мягкой силы», предоставляя новые возможности для взаимодействия с разными аудиториями, но особенно молодежной. В последние годы наблюдается укрепление позиций России в этом сегменте (Неймарк, 2023).

На фоне увеличения числа пользователей интернета и активного внедрения цифровых технологий в Центральной Азии Россия инициирует разработки, которые позволяют расширить охват и улучшить качество образовательных и культурных инициатив. Основные направления такой деятельности включают: создание онлайн-курсов, проведение культурных виртуальных мероприятий, реализацию совместных проектов. Создание онлайн-курсов предполагает разработку дистанционных образовательных программ на различных языках, включая русский и языки стран Центральной Азии,

что способствует передаче и усвоению знаний и культурных ценностей. Данные курсы охватывают различные дисциплины, от гуманитарных наук до технологий, что формирует интеграционную среду для студентов. Культурные виртуальные мероприятия включают организацию и проведение онлайн-выставок, концертов и вебинаров, что позволяет не только продемонстрировать богатство российской культуры, но и способствует взаимодействию с культурными деятелями из Центральной Азии. Такие мероприятия помогают преодолевать исторические и географические барьеры, создавая интерактивную платформу для обмена идеями и культурными инновациями. Разработка совместных исследовательских инициатив и культурных программ в рамках университетов и других образовательных учреждений открывает новые горизонты для взаимопонимания и сотрудничества между Россией и Центральной Азией. Эти проекты способствуют формированию устойчивых партнерских отношений, позволяя молодежи разных стран обмениваться опытом.

Российские компании активно способствуют развитию цифровизации в области экономики в Центральной Азии. В частности, в Таджикистане Wildberries доминирует на рынке онлайн-торговли с долей свыше 50%, а российские IT-специалисты участвуют в разработке проекта «Умный город» в Душанбе. Россия и Туркменистан сотрудничают в сфере цифровых технологий, обмениваясь опытом в информационной безопасности. С 2024 года в Ашхабаде успешно функционирует приложение «Цифровой город», предоставляющее жителям электронные услуги и возможность оплаты коммунальных услуг. В конце марта 2026 г. в Казахстане состоялся международный цифровой форум Digital Qazaqstan 2026, основной целью которого является стимулирование более широкого внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в реальном секторе экономики, государственном управлении и социальной инфраструктуре. В 2025 году российский рынок по разработке программного обеспечения и услуг продемонстрировал значительный рост, достигнув 2,5 трлн рублей, что на 20% больше, чем в 2024 году. При этом сегмент промышленного программного обеспечения увеличился до 50 млрд рублей.

Прогнозируемые тренды в среднесрочной перспективе указывают на необходимость комплексного подхода, включающего как традиционные формы взаимодействия, так и современные цифровые решения, что позволит повысить уровень влияния России в стратегически важном для нее регионе (Неймарк, 2023).

Развитие и расширение масштабов и механизмов публичной дипломатии – важнейший тренд «мягкой силы» России. Использование публичной

дипломатии для продвижения «мягкой силы» в Центральной Азии является направлением, требующим активизации и пристального внимания всех заинтересованных российских организаций и структур, но одновременно и актуализации взаимодействия с соотечественниками, ориентированными на многогранную деятельность по формированию и продвижению позитивного имиджа России (Томберг, 2023; Сакулин, 2024). Значимые культурные события, фестивали, конференции, научные дискуссии и др., распространяя знания о российской культуре и внешней политике, способствуют положительному восприятию страны за рубежом (Сакулин, 2024). В качестве примера можно назвать цикл культурных мероприятий «Русские сезоны», которые прошли в марте 2023 года в Астане (Алещенко & Керимов, 2024), Дни культуры РФ в Таджикистане, собравшие в том же году рекордное количество участников. Открываются новые российские культурные центры в Казахстане и Таджикистане. В частности, в конце 2024 года в Душанбе был открыт культурно-образовательный комплекс «Россия с вами», оборудованный современными технологиями: интерактивной мультимедийной панелью с доступом в интернет, оборудованием для видеосвязи и цифровой панелью с образовательным контентом. В 2025 году главы России и Таджикистана, В.В. Путин и Э.Ш. Рахмон, инициировали начало строительства нового здания Государственного русского драматического театра имени В. Маяковского и Международного образовательного центра для одаренных детей в Душанбе. На государственном уровне подобные инициативы способствуют укреплению связей с представителями интеллектуальной и политической элиты региона, сохранению влияния русской культуры, оказывают воздействие на формирование общественного мнения.

Таким образом, в условиях растущей конкурентной среды Россия активно развивает свою «мягкую силу» на постсоветском пространстве, акцентируя внимание на культурных, образовательных и экономических инициативах и проектах в контексте ориентации политики не только на краткосрочные, но преимущественно долгосрочные стратегии. Политика «мягкой силы» России в Центральной Азии сегодня направлена на выработку союзнических отношений, основана на учете взаимных интересов, строится на объединяющих технологиях, способных выработать консолидированные решения и действия.

Заявление востоковеда В.А. Аваткова в октябре 2025 года, процитированное многими СМИ, о том, что «российская модель применения «мягкой силы» в Средней Азии демонстрирует полный провал», а Россия стремительно теряет позиции в результате «собственной стратегической близорукости», ориентировано, скорее, на актуализацию дискуссии эффективности

политики России в этом регионе. Частично можно согласиться с мнением специалиста, хорошо знающего этот регион. Действительно, слабости стратегии России в Средней Азии проявляются в недостаточной гибкости к быстро меняющимся условиям, усиливающейся конкуренции. Невозможно оспаривать нарративы В.А. Аваткова о том, что необходим контроль над образовательной политикой центральноазиатских государств, важно продвижение русского языка не как самоцели, а как «проводника к актуальным смыслам и ценностям» и др.

Безусловно, лишь пассивно-формальное присутствие России в регионе может привести к дисбалансу и конфликту интересов, ослаблению управляемости, недостаточной гибкости в учете специфики центральноазиатских стран, в итоге к политическим кризисам, недоверию к российской политике в целом, существенному затруднению в реализации «мягкой силы». Однако пассивно реализуемая стратегия, равно как и «агрессивно» продвигаемая стратегия, за которую выступает В.А. Аватков, может снизить потенциал «мягкой силы», привести к прямо противоположному результату. «Агрессивно» продвигаемая стратегия может порождать «эффект усталости» от присутствия другой страны на своей территории. Предполагая решительные действия для достижения своих интересов и целей, такая политика нередко связана с «жесткими» и рискованными действиями, распространяя их на все сферы жизнедеятельности страны. Она проявляется в резком увеличении военных расходов в ущерб социальным, нелегитимной борьбе с конкурентами, использовании экономических инструментов для достижения политических целей, вмешательстве во внутренние дела других стран и др. Как справедливо отметил С. Храмов, с позицией которого мы солидаризируемся, американские эксперты и политики, употребляя понятие «мягкая сила», в большей степени акцентируют внимание на «давлении одной страны на другую» без использования военной силы. Культурные контакты и гуманитарные проекты лишь способствуют решению основной задачи – через нажим, прессинг, давление на страну принудить ее следовать интересам и политике США. Отсюда нередко восприятие американской «мягкой силы» в регионе как чуждой, отдаленной, навязанной извне.

Нарастание напряженности между Соединенными Штатами и Российской Федерацией в последние годы способствовало росту недоверия к американскому влиянию в Центральной Азии (Jabber & Farhat, 2025). Россия, предложив альтернативу американской «мягкой силе», укрепила свои позиции. В частности, было инициировано создание Евразийского экономического союза – региональной организации, нацеленной на экономическую интеграцию с Центральной Азией, что усилило экономическую и политическую

мощь России на пространстве СНГ. На сегодняшний день доля ЕАЭС составляет около 40% внешней торговли государств Центральной Азии.

В отличие от США, влияние России в Центральной Азии, по мнению С. Храмова, взаимное и взаимообогащающее. Россия не давит на другие страны и не принуждает их следовать своей политике, разделять российские ценности или принципы взаимоотношений. Географическая и историческая близость России, связанная культурными и языковыми корнями с Центральной Азией, общим прошлым, «облегчают» восприятие российской «мягкой силы» как органичной, социокультурно обусловленной. Такие примеры российского культурного влияния, как большая популярность русской музыки, историческое присутствие российской архитектуры и искусства в Центральной Азии, являются наглядными свидетельствами успешного экспорта российской культуры и позиционирования ее как эталона в данном регионе (Летняков, 2024). Американская же «мягкая сила» часто воспринимается там как чуждая, отдаленная, навязанная извне.

Взаимообогащающее влияние России и государств Центральной Азии возникает и в связи с тем, что страны этого региона создают свои технологические воздействия, привлекательные для России и других стран. Перспективным является участие государств Центральной Азии в российских программах импортозамещения, получающих заказы на изготовление деталей на своих предприятиях, создавая совместные промышленные зоны и локации, что важно в условиях санкций против нашей страны. Объединение ресурсов при создании общей цифровой экосистемы – одно из свидетельств взаимовлияния. Рост числа туристов из РФ в страны Центральной Азии также является показателем растущего взаимовлияния и взаимообогащения. В 2024 году россияне совершили более 3,75 млн туристических поездок в государства этого региона. Наибольший прирост российских туристов зафиксирован в Узбекистане и Таджикистане.

Сегодня Россия демонстрирует в Центральной Азии не только формальное присутствие, но и содержательное партнерство с использованием инструментов «мягкой силы». Для иллюстрации сошлемся на некоторые примеры. В Киргизии активна деятельность Россотрудничества и различных фондов (например, Фонда «Евразийцы-новая волна»), продвигающих культурно-образовательные проекты. Также здесь заметна поддержка русского языка как языка межнационального общения, в том числе посредством российских телеканалов. В Таджикистане Россия инвестирует в строительство школ, в которых преподают российские педагоги. В Казахстане элементы «мягкой силы» встраиваются в деятельность российской Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и инфраструктурные проекты в

рамках ЕАЭС во многом для реализации экономических интересов. Вместе с тем, «мягкая сила» России в Центральной Азии демонстрирует противоречивую динамику. В Казахстане и Киргизии ее влияние более заметно благодаря поддержке культурных связей, Узбекистан и Таджикистан проявляют растущую независимость и снижение интереса к российскому культурному и медийному влиянию, что обусловлено рядом факторов. Среди них – сокращение российского участия в институтах социализации этих стран, ограниченное присутствие российских медиа в контенте на национальных языках, недостаточное вовлечение в подготовку молодых элит. Интерес российских СМИ к информационной повестке региона не всегда адекватен стратегическим потребностям и задачам России. (Комлева, 2026). Туркменистан продолжает балансировать между различными моделями взаимодействия с Россией.

Укрепление позиций России в регионе предусматривает корректировку политики «мягкой силы» в направлении активизации образовательных и культурных программ, интеграции информационных и цифровых платформ, укрепления экономического присутствия. Отметим три возможных варианта развития «мягкой силы» России в Центральной Азии.

В рамках оптимистичного варианта Россия успешно реализует свою стратегию «мягкой силы», что приведет к устойчивым взаимовыгодным отношениям со странами региона. Ключевыми предпосылками этого варианта являются глубокая интеграция компонентов «мягкой силы» в экономическое, социально-политическое и культурное пространство стран Центральной Азии, партнерство и сотрудничество, культурная дипломатия, безопасность и стабильность. Глубокая интеграция и сотрудничество коррелируют с укреплением экономических и политических связей через участие в интеграционных процессах, деятельности ЕАЭС и ШОС. Экономический рост стран региона повышает доверие к России. Культурная дипломатия предполагает активное участие в культурных обменах и образовательных инициативах, формирующих репутационный капитал и позитивный имидж России среди населения, особенно молодежи Центральной Азии. Эффективное содействие в вопросах безопасности, включая совместные антитеррористические операции и укрепление пограничного контроля, формируют России имидж как надежного партнера в обеспечении стабильности в регионе. В результате реализации данного сценария можно ожидать, что в среднесрочной перспективе Россия будет восприниматься как влиятельная сила в Центральной Азии с увеличением интеллектуального и культурного обмена.

Вариант умеренной стабильности предполагает, что Россия продолжит наращивать «мягкую силу», однако столкнется с традиционными и новыми вызовами и рисками, периодическими кризисами и неопределенностями в

отношениях с государствами Центральной Азии, усиливающейся конкуренцией других региональных акторов, в первую очередь Китая, Ирана, Турции. Возможное ослабление влияния России в Центральной Азии в случае недооценки или игнорирования новых проблем, опасностей и угроз констатируется рядом исследователей (Ерманалиева, 2024; Аватков & Ерманалиева, 2024; Мухтарова & Паизова, 2024). Недостаточная внутрирегиональная интеграция, недооценка Россией уровня технологического развития стран Центральной Азии, противоречия во внутрирегиональных хозяйственных отношениях могут затруднить реализацию инициатив, предпринятых нашей страной. Согласно этому варианту развития «мягкой силы», в среднесрочной перспективе Россия останется значимой силой в регионе, но произойдет сужение и размывание ее позиций в результате более наступательной политики других акторов.

Пессимистичный вариант развития событий и процессов характеризуется минимизированным влиянием «мягкой силы» России в Центральной Азии. Основные характеристики этого сценария заключаются в следующем: углубление негативного восприятия России, увеличение конкуренции со стороны других акторов, выдавливание нашей страны из региона, нарастание социальной тревожности и протестных акций. В условиях геополитических, экономических, политических вызовов, отсутствия перманентного конструктивного диалога с региональными элитами и гражданским обществом, а также адекватного мониторинга внутриполитических процессов в центральноазиатских странах, Российская Федерация рискует столкнуться с эскалацией негативного восприятия, ростом антироссийских настроений, снижением уровня общественного доверия к руководству и политике нашей страны. Расширение сфер влияния Китая, Ирана, Турции, вмешательство Запада в дела центральноазиатских республик могут серьезно ограничить возможности России в реализации своих интересов и инициатив в регионе (Ерманалиева, 2024; Аватков & Ерманалиева, 2024; Мухтарова & Паизова, 2024). Увеличение социальной напряженности и протестных настроений в странах Центральной Азии может также отрицательно сказываться на российском присутствии, особенно если оно будет воспринято как вмешательство. При развитии этих и других негативных тенденций влияние России в регионе будет значительно ослаблено, что приведет к минимизации культурных, образовательных и экономических связей.

Таким образом, возможные варианты развития «мягкой силы» России в Центральной Азии могут варьироваться в зависимости от ее внутренней политики, экономической ситуации и глобальных тенденций. Очевидно, что наращивание усилий России в развитии взаимовыгодного сотрудничества во

всех направлениях способствует росту ее влияния в Центральной Азии. Геополитическая ситуация потребует от России гибкости, адаптивности и наступательности в разработке и реализации политики взаимодействия с центральноазиатскими государствами. Устойчивое и последовательное развитие «мягкой силы» возможно лишь при наличии комплексной стратегической концепции, учитывающей внутренние и внешние вызовы.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что «мягкая сила» России в Центральной Азии находится в стадии активной трансформации, адаптируясь к новым реалиям. Наряду с традиционными сферами влияния (образование и культурный обмен) наблюдается усиление роли цифровых инструментов и медийных платформ в формировании общественного мнения, продвижении положительного образа России в регионе. Успешная реализация стратегии российской «мягкой силы» требует поддержания высокого уровня экономической, социально-политической, культурно-образовательной привлекательности. Дальнейшие тренды развития будут во многом определяться способностью России к эффективному взаимодействию с местными элитами, учету национальных интересов стран региона, поддержанию открытого диалога со всеми заинтересованными структурами и акторами. Эффективная реализация технологий российской «мягкой силы» будет способствовать дальнейшему укреплению стратегического партнерства нашей страны с государствами Центральной Азии, обеспечению региональной стабильности и безопасности, а также формированию благоприятной среды для устойчивого экономического и социально-политического развития.

Литература

Jabber, M. N. J., & Farhat, A. S. F. (2025). International Competition in Central Asia Perspective in International Relations. *International Competition in Central Asia Perspective in International Relations*, 2(4), 377-394.

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). The Geopolitical Influence of Soft Power on Central Asian Countries. *International relations and international law Journal*, 108(4), 47-59.

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). Strategic Instruments of Soft Power: The Experience of Global Actors in Central Asia. *Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы*, 4(108), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Nourzhanov, K., & Peyrouse, S. (2021). *Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction*. Bloomsbury Publishing PLC.

Omelicheva, M. Y. (2018). «Central Asia» in *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*. Edited by Andrei P. Tsygankov. Routledge, 325-337.

Аватков, В. А., & Ермналиева, А. Р. (2024). Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции. *Постсоветские исследования*, (1), 9-19.

Алещенко, П. С., & Керимов, А. А. (2024). «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты. *Социально-политические науки*, Т. 14. 1, 35-40. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-1-35-40>

Байходжаева, А. А. (2025). Инструменты «мягкой силы» Европейского союза в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*, 12(3), 185-195. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-185-195>

Безбородов, Ю. С. (2026). Межинституциональное сотрудничество государств на евразийском пространстве: ШОС и ЕАЭС на перекрестке Шелкового пути. *Теория и практика общественного развития*, 2. 159-166. <https://doi.org/10.24158/tipor.2026.2.19>.

Блищенко, В. И. (2020). Проблемы независимой Киргизии и интересы России. *Обозреватель*, 4 (363), 78-87.

Ермналиева, А. Р. (2024). Идейно-ценностное влияние США и Турции на информационное пространство Казахстана. *Постсоветский материк*, (4), 79-90. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_79

Жакьянова, А. М. (2017). Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана. *Дискурс-Пи*, 1 (26), 101-110. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.101110>.

Комлева, В. В. (2026). Коммуникационные режимы стран Центральной Азии в меняющихся условиях. *Международная жизнь*, 1, 76-83.

Кротков, В. О. (2023). «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил. *Ближний и Постсоветский Восток*, 4 (4), 7-17. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.01>

Курылев, К., Малышев, Д., Хотивришвили, А., & Шабловский, В. (2021). ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 65 (2), 81-88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>

Лебедева, М. М. (2014). «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия. *Вестник МГИМО-Университета*, 2(35), 47-55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55>

Летняков, Д. А. (2024). Транснациональная память в постсоветской Центральной Азии как ресурс «мягкой силы». *Международные процессы*, 22(3-4), 123-141. <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.7>

Летняков, Д. Э., Емельянова, Н. Н. (2017). Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия. *Мир России*. Т. 26. № 4. С. 118-142. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>.

Махмудов, Р. Б. (2021). Внешняя политика современного Узбекистана. *Россия и новые государства Евразии*, 1 (50), 121-134. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134>.

Неймак, М. А. (2023). Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. *ЛитРес*.

Сакулин, С. В. (2024). Вызовы и риски реализации российской «умной силы» и инструменты их преодоления. Постсоветский материк, (3), 63-82. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_63

Салибаева, Н. А. (2016). К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан. Таджикистан и современный мир, 4 (54), 12-22.

Томберг, И. Р. (2023). Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, (35), 91-104.

References

Aleshchenko, P. S., & Kerimov, A. A. (2024). «Myagkaya sila» Rossii v Kazahstane: kul'turnye i ekonomicheskie aspekty. Social'no-politicheskie nauki, T. 14. 1, 35-40. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-1-35-40>. (In Russ.)

Avatkov, V. A., & Ermanalieva, A. R. (2024). Kazakhstan kak centr stolknoveniya interesov global'nyh igrokov na postsovetском prostranstve: Rossii, Kitaya, SShA i Turcii. Postsovetские issledovaniya, (1), 9-19. (In Russ.)

Bajhodzhaeva, A. A. (2025). Instrumenty «myagkoj sily» Evropejskogo soyuza v Central'noj Azii. Problemy postsovetского prostranstva, 12(3), 185-195. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-185-195>. (In Russ.)

Bezborodov, Yu. S. (2026). Mezhhinstitucional'noe sotrudnichestvo gosudarstv na evrazijskom prostranstve: SHOS i EAEHS na perekrestke Shelkovogo puti. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2. 159–166. <https://doi.org/10.24158/tipor.2026.2.19>. (In Russ.)

Blishchenko, V. I. (2020). Problemy nezavisimoy Kirgizii i interesy Rossii. Obozrevatel', 4 (363), 78-87. (In Russ.)

Ermanalieva, A. R. (2024). Idejno-cennostnoe vliyanie SShA i Turcii na informacionnoe prostranstvo Kazahstana. Postsovetский материк, (4), 79-90. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_79. (In Russ.)

Jabber, M. N. J., & Farhat, A. S. F. (2025). International Competition in Central Asia Perspective in International Relations. International Competition in Central Asia Perspective in International Relations, 2(4), 377-394.

Komleva, V. V. (2026). Kommunikacionnye rezhimy stran Central'noj Azii v menyayushchihsya usloviyah. Mezhdunarodnaya zhizn', 1, 76-83. (In Russ.)

Krotkov, V. O. (2023). «Myagkaya sila» v sredneaziatskom regione: obshchie kontury balansa sil. Blizhnij i Postsovetский Vostok, 4 (4), 7-17. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.01> (In Russ.)

Kurylev, K., Malyshev, D., Hotivirshvili A., & Shablovskij, V. (2021). SHOS i EAEHS v kontekste evrazijskoj integracii. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 65 (2), 81-88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>

Lebedeva, M. M. (2014). «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ih dejstviya. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2(35), 47-55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55>. (In Russ.)

Letnyakov, D. A. (2024). Transnacional'naya pamyat' v postsovetской Central'noj Azii kak resurs «myagkoj sily». Mezhdunarodnye processy, 22(3-4), 123-141. <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.7>. (In Russ.)

Letnyakov, D. E., Emel'yanova, N.N. (2017). Strategii «myagkoj sily» v postsovetской Central'noj Azii: Rossiya vs SShA, Kitaj, Indiya. Mir Rossii. T. 26. № 4. S. 118-142. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>. (In Russ.)

Makhmudov, R. B. (2021). Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 1 (50), 121-134. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134>. (In Russ.)

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). The Geopolitical Influence of Soft Power on Central Asian Countries. International relations and international law Journal, 108(4), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). Strategic Instruments of Soft Power: The Experience of Global Actors in Central Asia. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы, 4(108), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Nejmark, M. (2023). Krizisnaya geopolitika: opyt i perspektivy «myagkoj sily» Rossii. LitRes. (In Russ.)

Nourzhanov, K., & Peyrouse, S. (2021). Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. Bloomsbury Publishing PLC.

Omelicheva, M. Y. (2018). «Central Asia» in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy. Edited by Andrei P. Tsygankov. Routledge, 325-337.

Sakulin, S. V. (2024). Vyzovy i riski realizacii rossijskoj «umnoj sily» i instrumenty ih preodoleniya. Postsovetiskij materik, (3), 63-82. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_63. (In Russ.)

Salibaeva, N. A. (2016). K voprosu o koncepcii «Myagkoj sily» vo vneshnej politike Respubliki Tadjikistan. Tadjikistan i sovremennyy mir, 4 (54), 12-22. (In Russ.)

Tomberg, I. R. (2023). Russkij mir kak element «myagkoj sily» Rossii v stranah Central'noj Azii. Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir, (35), 91-104. (In Russ.)

Zhak'yanova, A. M. (2017). Resursy «myagkoj sily» vo vneshnej politike Kazahstana. Diskurs-Pi, 1 (26), 101-110. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.101110>. (In Russ.).

Для цитирования: Авцинова, Г. И. «Мягкая сила» России в Центральной Азии: тренды развития / Г. И. Авцинова, Е. Ю. Воронина // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 6-25. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-6-25.